

— Спрошу по-тихому: вы двое... чего вы вообще ждёте, почему не начнёте встречаться официально? И какого чёрта ты уехал к себе домой, я просто поражаюсь! Взрослые ведь мужики, а ведёте себя как младшеклассники с этим вашим «я в тебя тайком влюблён, ты в меня тайком влюблён»! Поторапливайтесь уже, выясните всё!

И правда — сам император не спешит, а евнухи от усердиядохнут. Оказались в одной постели — и ничего не было, прожили вместе два месяца — и даже за руки не подержались. От этой дикой динамики Ци Яну каждый день хотелось разбить телефон об стену.

Цзи Кай молча повернул голову и посмотрел в окно.

Окно квартиры выходило прямо во двор, где росла высокая хурма. На её зимних ветвях висели сочные, ярко-окрашенные плоды.

— Ты ведь и сам сгораешь от нетерпения, а Вэйду так и вовсе целыми днями ходит с унылой физиономией нерасстраченной похоти. Ну и чего вы тянете? Будь у меня столько свободного времени, я бы, честное слово, давно не просто обнимался-целовался да в кровать прыгнул — уже и пожениться бы успел, и второго ребёнка заделал!

Цзи Кай ничего не ответил. Однако, сколь бы ни нервничал Ци Ян, Цзи Кай прекрасно понимал: дело вовсе не в нерешительности.

Текущая стадия их отношений — это высшая форма флирта прямо перед тем, как прорвать тонкую бумажную перегородку. «Все вокруг уверены, что между вами что-то есть. Вы оба знаете, что рано или поздно всё случится, но понятия не имеете, в какой именно день». И потому каждый день, каждую минуту и каждую секунду в животе порхали сотни бабочек.

Жизнь замедлила свой ход.

Она будто растянулась, превратившись в фильм на бесконечном повторе, где вновь и вновь мелькали мгновения, от которых замирало сердце.

Оставалось лишь дожидаться дня, когда кто-то из них в темноте не выдержит, первый протянет руку, чтобы прикоснуться, завладеть, заявить свои права. Или когда под волнующим проливным дождём они без слов одновременно впьются друг в друга жадным поцелуем — сцепляясь дыханием, отдав власть над собой неистовой страсти, которую уже невозможно удерживать.

Цзи Кай подавлял бурлящее внутри волнение и ждал наступления этого дня.

Это было похоже на то, как наблюдаешь за зелёной хурмой за окном: день за днём она наливается, краснеет, становится полупрозрачной и всё более сладкой.

Сорвать можно прямо сейчас — и она уже будет весьма сладкой.

Но стоит лишь ещё ненадолго сдержать свою жадность, и налившийся плод от избытка нежности и сока вот-вот лопнет. И если съесть его именно в тот момент, сладость окажется настолько глубокой, что заставит дрожать до самых костей.

...Хотя Цзи Кай и вернулся жить к себе домой, они всё равно виделись каждый день.

Вот и сегодня в обед договорились пойти поесть.

Повод был более чем уважительный и благородный: послезавтра, третьего декабря, у Ци Яна день рождения. Они ведь друзья — почему бы после обеда не прогуляться по магазинам и заодно не выбрать Ци Яну подарок? Отличный же план!

Впрочем, даже если бы ни у кого не было дня рождения, директор Ли всегда находил тысячи предлогов встретиться. То у них спектакль, то карнавал, а если уж совсем никаких поводов не находилось, срабатывал безотказный трюк: «Я раздобыл такие-то ингредиенты и приготовил роскошный ужин! Приедешь? Или мне к тебе?»

Цзи Кай на это неизменно откликался: «Бегу-бегу!» и «Приезжай-приезжай!».

Вечером, когда оба, сытно поев, лениво разваливались, а на улице темнело и ехать было далеко, всё само собой заканчивалось ночёвкой у кого-то из них. Однако, хоть они по-прежнему спали в одной постели, всё ограничивалось исключительно взаимным уважением и целомудрием.

Цзи Кай не проявлял инициативы, потому что врач прямо сказал: не думай, что раз можешь немного ходить, значит, поправился.

«Травма мышц и костей требует сотни дней на восстановление», а перелом требует длительного покоя. Так что на ближайшие три месяца, помимо прописанной ЛФК, любые другие «бурные физические нагрузки» были под строжайшим запретом!

Но вот почему инициативу не проявляет директор Ли — этого Цзи Кай искренне не понимал.

Иногда он опускал взгляд и трогал свою грудь: да вовсе она и не сдулась, как утверждал Ци Ян! Благодаря реабилитационным упражнениям объёмы в значительной степени вернулись. Каждый раз, когда он выходил из душа, капли воды, сбегавшие по груди перед зеркалом, представляли собой весьма недурственное зрелище.

И даже при этом удерживать лапы при себе? Неужели всё правда, как в слухах, и у него действительно сексуальная холодность?

А если и правда холодность, то что делать? Сможет ли он пощадить его мужское самолюбие и подавить в себе жажду нормальной, полноценной страсти?

М-да... Цзи Кая охватывало полное отчаяние относительно своего будущего.

...Свободным утром в ожидании свидания Цзи Кай наводил порядок на книжных полках у себя дома.

Альбом с репродукциями Моне, купленный им много лет назад, стоял и в доме Ли Вэйду — абсолютно такой же. Ещё более поразительное совпадение: рядом с альбомом лежал том по деревянной скульптуре «Forest and the Universe» («Лес и Вселенная»), и даже стояли они в абсолютно одинаковом порядке.

Недавно, перебирая книги в доме Ли Вэйду, Цзи Кай был приятно удивлён этой находкой. Книга всё-таки редкая, узкоспециализированная и давно вышедшая из печати — он и представить не мог, что кто-то ещё хранит в коллекции точно такое же издание.

В тот день директор Ли как раз убрал со стола посуду после завтрака, снял фартук и подошёл к нему:

— Тебе это нравится?

Цзи Кай кивнул и ткнул пальцем в изображение милого, неуклюжего тигрёнка среди деревянного леса:

— Я такое тоже раньше умел вырезать. Несколько лет учился столярному мастерству у одного старого мастера, чуть было не стал столяром.

Если бы не слишком хорошие оценки, благодаря которым он шутя поступил в университет и получил полную стипендию...

— Столярное дело — тоже отличное ремесло, — заметив его интерес, произнёс Ли Вэйду.

— ...

— Хочешь научиться? Я могу познакомить тебя с известным мастером-краснодеревщиком, пойдёшь к нему в ученики, согласен?

У Цзи Кая возникло недоброе предчувствие, и он поспешно со смешком поднял руки:

— Директор Ли, вы шутите. Каким из меня столяром быть, я же теперь инвалид?

— Что за глупости ты несёшь, всё у тебя заживёт! — Ли Вэйду бросил на него строгий взгляд, сел рядом и тихо вздохнул. — Я, конечно, не говорю, что жить вот так спокойно и беззаботно, как ты, — это плохо. Но у каждого человека должна быть своя мечта. Я замечаю, как ты в эти дни с интересом листаешь альбомы по резьбе. Если тебе правда нравится, учиться никогда не поздно.

— ...

И правда, с тех самых пор как Цзи Кай попал в больницу, директор Ли в каждом слове проявлял глубочайшую обеспокоенность судьбой этого «простого стройрабочего», потерявшего работу из-за травмы. А недавно даже по секрету спросил у Цзо Яня: «Я слышал, есть такая штука — "соцстрахование"?»

Цзи Кай случайно оказался рядом и слышал это. Хе-хе, «слышал», значит, что есть такая штука.

Вот же бесят эти богатеи, которым в жизни не приходилось заморачиваться насчёт социалки!

— Ну вот скажи, а как сейчас быть с соцстрахом человеку вроде него, который не может работать? Может, мне заплатить за него? Можно заплатить сразу за всю жизнь вперёд?

Цзо Янь:

— ...

Цзи Кай был в глубочайшем унынии.

Он всё чаще задумывался, не пора ли прекращать этот отыгрыш «стройрабочего» и перестать дурачить Ли Вэйду. Поэтому за два месяца жизни под одной крышей Цзи Кай изо всех сил старался оставлять то тут, то там намёки и проколы.

Он обсуждал с директором Ли мировую политику и международную обстановку из новостей,

дискутировал о фортепианных произведениях и концертах классической музыки.

Вместе с директором Ли листал альбом Моне и углублялся в разбор техники написания и биографии художника.

А под конец ещё и покашливал с умным видом:

— Кстати говоря, директор Ли, у вас на целой стене с чашками на одной ведь тоже напечатана «Женщина с зонтиком» Моне?

Ли Вэйду кивал:

— Да, это сувенир, который я купил несколько лет назад в Национальной галерее в Вашингтоне.

— Как же такую ценную картину французы не оставили себе, а отдали на хранение США?

— Перепродажа предметов искусства в другие страны — дело вполне обычное.

Да, это-то нормально.

Но когда простой работяга целыми днями ведёт с тобой подобные беседы — это ни черта не нормально, ясно?!

Цзи Кай просто поражался.

В обычной жизни этот директор Ли был тонким, чувствительным человеком, но временами проявлял такую колоссальную, пугающую непробиваемость! К последнему месяцу Цзи Кай, этот фальшивый работяга, уже окончательно забил на маскировку и ежедневно перед сном вместе с Ли Вэйду любовался луной за окном, беседуя обо всём — от поэзии до философии жизни.

Бог с ним, с Моне, — они уже дошли до жарких споров о влиянии Руссо на Канта! Директор Ли, неужели ты правда не замечаешь ничего странного?!

...А Ли Вэйду действительно не видел в этом абсолютно никакой проблемы.

Раньше, когда он был с Е Инь, им будто вообще не о чем было поговорить. Со временем атмосфера, когда они сидели друг напротив друга, становилась всё более тяжёлой и мёртвой.

Одно время Ли Вэйду казалось, что это из-за того, что они слишком давно знают друг друга, или потому, что он сам слишком скучный.

Однако Ци Ян утверждал:

— Вовсе нет! Просто ты, Вэйду, ещё не встретил того самого человека, с которым сможешь разговаривать!

— Когда однажды ты найдёшь свою настоящую вторую половинку, у вас двоих не иссякнут темы для разговоров. Вы даже остановиться не сможете!